

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

УДК 930.1

В.Д. Калашников

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье раскрывается своеобразие взглядов представителей евразийского философско-политического движения на исторический процесс в России, получившее развитие в среде русской эмиграции в 1920–1930 гг. Показано влияние геополитического фактора на становление русской государственности в связи с ее местоположением на Евразийском континенте.

Ключевые слова: *евразийство, местоположение, геополитика, самобытная национальная культура, географическая индивидуальность, географический фактор, туранский элемент, историческая школа.*

V.D. Kalashnikov

CONCEPTUAL APPROACHES OF THE EUROASIAN HISTORICAL DOCTRINE

The view originality of the Euroasian philosophical and political movement representatives on the historical process in Russia, that received the development in the Russian emigration environment in 1920–1930 is revealed in the article. The geopolitical factor influence on the Russian statehood formation in connection with its location on the Euroasian continent is shown.

Key words: *Euroasian study, location, geopolitics, original national culture, geographical individuality, geographical factor, Turanian element, historical school.*

Евразийство как философско-политическое движение, возникшее и получившее развитие в среде русской эмиграции в 1920–1930-е гг., в настоящее время переживает свое второе рождение. Наиболее ярким представителем современного евразийского течения является А.Г. Дугин, политический деятель, философ, политолог и социолог. Он с начала 2000-х гг. отстаивает евразийские идеи, которые раскрыл и обосновал в книге «Евразийский путь как национальная идея».

В целом в исследованиях евразийцев центральной является проблема исторического места России в её отношении к Востоку и Западу. Она может быть представлена как обоснование особого исторического пути России – Евразии, а следователно, и сложившейся на этом пути особой российской (евразийской цивилизации). Такая постановка вопроса, как полагает Б.Г. Могильницкий является «весьма перспективной для понимания своеобразия исторического развития России»¹.

Истоки основных теоретических подходов евразийцев относятся к славянофильской доктрине. Сами евразийцы считали своими предшественниками старших славянофилов (А. Хомяков, братья Аксаковы), а также поздних представителей славянофильства, таких, как К. Леонтьев, Н. Данилевский, Н. Страхов. Вместе с тем в своих концептуальных взглядах они во многом расходились со славянофилами. Так, им была чужда апология крестьянской общины, они полагали, что она исторически преходящая форма русской культуры, которую необходимо преодолеть в ходе социальной модернизации страны. Кроме того, они отрицали существование славянского культурно-исторического типа, а культуры тюркских народов, связанных с Россией общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехов, моравов, сербов, поляков). Евразийцы отвергали и панславянский политический проект (объединение всех славян в едином государстве) и предпочитали ему Россию как федеративное евразийское государство. В экономической области евразийцы выступили за широкое использование частной инициативы. При этом их идеалом было совмещение условно частной собственности с государственной.

Импульсом к возникновению евразийства послужила критика европоцентризма, содержащаяся в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», вышедшая в Софии в 1920 г. На книгу отозвался в журнале

«Русская мысль» П.Н. Савицкий. В его рецензии «Европа и Евразия» были высказаны многие мысли, ставшие идейной основой евразийства. Позднее в ходе обсуждения книги Трубецкого в Софии сложился евразийский кружок (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский). В 1921 г. был выпущен первый коллективный сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», положивший начало евразийству как философско-политическому течению. Первоначально идеи евразийцев носили достаточно разнородный характер. Однако постепенно к 30-м годам XIX столетия углублялись и приобретали целостный характер. Быстро расширялся и круг единомышленников. В разное время к ним примыкали выдающиеся мыслители – историки Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский, П.М. Бицилли, литературовед князь Д.П. Святополк-Мирский, философ С.Л. Франк, правовед Н.Н. Алексеев, религиозный деятель и писатель В. Ильин.

Если, начиная с П.Д. Чаадаева, русская общественно-политическая мысль на протяжении XIX в. мучительно билась над вопросом о национальном своеобразии страны в контексте проблемы «Россия и Запад», то теперь взоры евразийцев все чаще обращаются на Восток. Главная трагедия России – это торжество её европейской ориентации вопреки глубинным тяготениям народа. Д.П. Святополк-Мирский подчеркивал: «Россия не является частью Европы, европейская цивилизация чужда России»². Основная мысль и идея евразийства была сформулирована в 1926 г. в программном документе следующим образом: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она совершенно особая специфическая культура... Её надо противопоставить культурам Европы и Азии как единую евразийскую культуру. Евразия – это особый материк, совпадающий с границами Русской империи»³.

Вместе с тем наряду с традиционной для русской общественно-политической мысли проблемой «Россия-Запад» поднимается проблема «Россия-Восток». Такой подход нашел отражение в концептуально важной книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». Идея книги заключается в рассмотрении процессов развития национального самосознания. Автор отмечает, что все народы и их культуры равноценны, что среди них нет ни высших, ни низших. Осознание этой идеи, полагал ученый, требует революции в мировоззрении не романо-германских народов. Её суть выражает сократовский принцип «познай самого себя» или, что то же самое, добавляет он, «будь самим собой»⁴.

С точки зрения Н.С. Трубецкого, знать самого себя – значит быть самим собой, что верно как в отношении отдельного человека, так и целого народа. Отсюда выдвигание требования развития самобытной национальной культуры как необходимого условия народного здоровья и благополучия. Н.С. Трубецкой утверждает, что необходимо ясно, твердо и бесповоротно понять, что европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, что она ничем не совершеннее, не выше всякой другой культуры. Культура каждого народа – продукт его истории, выражающий его этнографические черты и национальное своеобразие в целом. Следовательно, полагает ученый, европеизация есть безусловное зло для всякого не романо-германского народа, так как ведет к отказу от собственного социально-культурного творчества. Особенно актуально со времен Петра I это было для России. Поэтому и Трубецкой и его единомышленники отыскивали в русской истории ключи к объяснению своеобразия отечественной культуры и её специфического содержания. В прошлом в истории страны они черпали объяснение своего понимания настоящего и будущего страны как особой евразийской цивилизации.

Евразийцы не были профессиональными историками и, тем не менее, проблемы истории России занимали центральное место в их общетеоретических представлениях. Они заложили оригинальные концептуальные подходы исторического осмысления развития страны и её народа, что дает основание говорить о своеобразной исторической школе евразийцев. Они внесли несомненный вклад в развитие исторической мысли XX в. своей концепцией русской истории.

Прежде всего, это относится к творчеству П.Н. Савицкого (1895–1968). Ключевую роль в его исторических и социально-философских взглядах играла идея «номогенеза», фундаментальной, органической взаимосвязи природных и интеллектуальных процессов, взаимозависимости природно-географических факторов и социальной жизни. Вместе с другими евразийцами он развивал концепцию Евразии как особого географического и соответственно культурно-исторического мира. Реальным выражением единства «материка» Евразии, согласно этой концепции, является Россия и русская цивилизация⁵. Концепция базируется на признании геополитико-духовного единства России-Евразии. В основании идеи лежит положение П.Н. Савицкого о «месторазвитии», едином целом, «географической индивидуальности», являющейся одновременно географическим, этническим, хозяйственным, историческим и всяким иным «ландшафтом». Это особый мир, сочетающий исторически оседлые области и степную стихию, лес и степь, мир, объединяющий в своих изменчивых границах различные этнические общества, формирующий из них некую национальную целост-

ность⁶. «Месторазвитие» является базовым, центральным понятием в исторической концепции евразийства. Место, т.е. географические условия, и развитие как исторический процесс, интернируясь, не только определяют характер, душу, национальное лицо того или иного народа, но и предопределяют его судьбу и перспективы развития⁷.

В этом едином «месторазвитии» восточные славяне соседствовали с тюркскими и угро-финскими племенами. Взаимодействуя, они составляли «многонациональную нацию». Её становление происходило в противостоянии с Западом. Отражение его агрессии, с точки зрения Савицкого, природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем в Европе или отдельно Азии. Не случайно именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой «унифицированный» во многих отношениях уклад, как быт кочевников, на всем пространстве его бытования: от Венгрии до Маньчжурии и на всем протяжении истории – от скифов до современных монголов. Именно на просторах Евразии рождались такие великие объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (XII–XVI вв.) и др.⁸. Россию Савицкий понимает геополитически, т.е. не как национальное государство, а как особый тип цивилизации, сложившийся на основе нескольких составляющих – арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православных традиций. Все это вместе и создает некое уникальное, «срединное» образование, которое представляет собой синтез мировой истории. И если известный геополитик Макиндер полагал, что из пустынь Хартленда исходит механический импульс, заставляющий береговые зоны («внутренний полумесяц») творить культуру и историю, то, по утверждению Савицкого, Россия-Евразия (Хартленд по Макиндеру) – это синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени, причем природа России соучаствует в её культуре⁹.

Евразийское «месторазвитие» по основным своим свойствам приучает к общему делу. Назначение евразийских народов своим примером увлечь на путь единения также другие народы мира. И как полагает Савицкий: «И тогда могут оказаться полезными для вселенского дома и те связи этнографического родства, которыми ряд евразийских народов сопряжен с некоторыми вне евразийскими нациями: индоевропейские связи русских, переднеазиатские и иранские отношения евразийских турок, те точки соприкосновения, которые имеются между евразийскими монголами и народами Восточной Азии. Все они могут пойти на пользу в деле строения новой, органической культуры, хотя и старого, но все ещё (верим) молодого, но чреватого большим будущим Света»¹⁰. Однако такой подход привел Савицкого к косвенному оправданию монголо-татарского ига на Руси. С его точки зрения, «Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира «благодаря именно монгольскому игу»¹¹.

«Без татарщины не было бы России» – это тезис из статьи Савицкого. Степь и оседлость стали ключевой формулой евразийства, его исторической концепции. Отсюда следовал прямой переход автора к чисто геополитическому утверждению: «... на пространстве всемогущей истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоении тот же дух, то же ощущение континента»¹². Разъясняя свою точку зрения, Савицкий подчеркивает, что кочевым народам не одну жестокость и жадность нужно было иметь», чтобы пройти в разных направлениях десятки тысяч верст. «Для того чтобы это сделать, нужно было ощущать по-особому степи, горы, оазисы и леса, чутя дерзание безмерное»¹³.

Савицкий подчеркивал, что «в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений тот же дух, то же ощущение континента» показывает тот факт, что обитающие в пределах одного «месторазвития» разные народы могут иметь сходное мироощущение. Для Савицкого Россия-Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», географический индивидуализм – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический ландшафт. Более того, на основе глубокого геоисторического анализа он приходит к выводу, что Россия-Евразия – это такое «месторазвитие», которое является интегральной формой существования многих более мелких «месторазвитий». Савицкий также особо подчеркивает: «Концепция «месторазвития» сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, с выделением наряду с географическим самобытного и ни к чему иному не сводимого духовного начала жизни... Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувство духовных принципов жизни»¹⁴.

В рамках евразийской исторической концепции фактически был осуществлен последовательный пересмотр места тюркских народов и степных кочевников в становлении и развитии России-Евразии. По убеждению Савицкого, монголо-татарское нашествие предотвратило вырождение Руси. Традиционной точке зрения, превозносившей культурное развитие Киевской Руси, оборванное татарским погромом, Савицкий про-

тивопоставляет картину политического и культурного измельчания Руси накануне нашествия. И, как полагает Б.Г. Могильницкий, такой взгляд «достаточно убедителен»¹⁵. Влияние монголо-татар на Русь было, безусловно, позитивным. Савицкий отмечает: «они дали России свойство организовываться воедино, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости: они дали её качество – становиться могущественной ордой»¹⁶.

Значение «татарского» начала в российской истории получило наиболее разностороннее и основательное освещение в трудах Н.С. Трубецкого (1890–1938), в частности, в его большой статье «О туранском элементе в русской культуре» и работе «Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». По мнению Б.Г. Могильницкого, «Созданная ученым «туранская теория» является самым значительным вкладом евразийцев в осмысление русского исторического процесса»¹⁷. Под именем «Туранских Трубецкой понимает 5 групп народов: угро-финны, самоеды, тюрки, монголы и маньчжуры. Для правильного понимания истории России необходимо учитывать, как подчеркивает Трубецкой, «наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»¹⁸.

Особое значение имеет тезис Трубецкого о положении Руси в составе государства монголов. По его мнению, «нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства»¹⁹. Согласно Трубецкому, Россия как провинция монгольской империи была «втянута в финансовую и, разумеется, в военную системы монголов».

Логическим продолжением его взглядов является предложенная Трубецком трактовка событий 1480 г. – освобождение от монголо-татарского ига. По мнению исследователя, произошла «замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»²⁰. Тем самым в исторической концепции евразийцев туранство выступает главным истоком российской государственности. Он писал: «Русский царь является наследником монгольского хана»²¹. В то же время Трубецкой указывает на существенный ограничитель самодержавной власти русских царей, опять-таки связанным с туранским влиянием. Отмечая, что беспрекословное подчинение являлось основой туранской государственности, Трубецкой вместе с тем утверждал, что, будучи последовательно до конца проведенным, как и все в туранском мышлении, оно в идее распространилось и на самого верховного правителя, который мыслился беспрекословно подчиненным какому-нибудь высшему принципу, являвшемуся одновременно руководящей основой жизни всех его подданных»²².

Из татарщины выросло российское государство. По мнению Трубецкого, иноземное иго является несчастьем, но и школой. Пришли татары, стали Русь угнетать, а попутно и учить. Именно из этой школы выросло великое и могучее государство. Спаянное внутренней духовной дисциплиной. Наступил «золотой век» русской истории, продолжившийся вплоть до эпохи Петра I.

Однако Трубецкой полагает, что преобразования в петровское время были выполнены именно так, как не надо было их выполнять: «... внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой»²³. Петром было реализовано много болезненных и вредных нововведений. Что дает Трубецкому основание назвать новый период в истории России периодом «антинациональной монархии». Европеизацию он считает причиной разрушения национального единства, розни между классами, сословиями и поколениями, «в результате чего итогом стало «изуродованная Россия»²⁴. Наихудшим последствием Петровской реформы стала их необратимость.

Согласно Трубецкому, Петр I окружил себя иностранными и русскими подхалимами, презиравшими свой народ как податную массу. Этот подход к собственной стране практиковали наследники Петра, но предельным воплощением его стала «бионовщина». Вступившая на престол в 1762 г. Екатерина II действовала более тонко. Как считает Трубецкой, во введенных ею закрытых учебных заведениях самые способные русские превращались во второстепенных европейцев; при этом подразумевалось забвение национальных традиций, а немца из русского сделать было невозможно²⁵.

В целом такова в общих чертах евразийская концепция истории России. Несомненно, она уязвима для критики, несомненно, можно не согласиться с её положениями. Так, вряд ли можно принять идеализацию московского периода русской истории. Вместе с тем она имеет большое научное значение и, прежде всего, в самой постановке вопроса о туранском истоке российской государственности и более широкого русского национального характера или, говоря современным языком, российской ментальности²⁶. К этому необходимо добавить, что концептуальные подходы евразийской исторической школы являются оригинальной интерпретацией российской исторической реальности, которая раскрывает взаимосвязь различных этнических элементов и их роль в становлении государственности. Она открывает различные возможности и пути исследований современных историков. О плодотворности данной интерпретации свидетельствует творчество выдающегося русского историка-эмигранта Г.В. Вернадского, который реализовал её в практике своих исторических исследований.

Вернадскому присущ был евразийский взгляд на историю России. Он изложил её в определённой последовательности, «жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и освоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает. Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им давление было способно освоить это место»²⁷. Россия провозглашалась им «евразийской» страной, так как располагалась в четырех широтных зонах: тундре, лесной зоне, степи и пустынях, являвшихся географической основой русской истории. Прошлое России – Евразии сводилось к соотношению «леса» и «степи». Вначале это были попытки объединения «леса» и «степи» (до 972 г.), затем (972–1238 гг.) – равная борьба «леса» (оседлых славян) и «степи» (кочевников). В монгольский период (1238–1452) «степь» победила «лес». Но уже с середины XV в. «лес», превратившийся в Московское царство (1452–1696), взял реванш над «степью», и закончилось все это объединением «леса» со «степью» (1696–1917)²⁸. Г.В. Вернадский считал, что Московское государство образовалось на развалинах Золотой Орды, что татарский историк русской государственной организации – определяющей.

Однако Б.Г. Могильницкий полагает, что историческая концепция Вернадского не тождественна евразийской. Она шире, эластичнее, многоцветнее и свободна от присущих ей крайностей²⁹. Так, признавая выдающееся значение московского периода в истории России, Вернадский далек от ее идеализации, что присуще Савицкому и Трубецкому. Становление самодержавного единовластия московских царей было кровавым и трагичным по своим последствиям. Отношение Вернадского к эпохе Петра I отличается от евразийского. Он указывал, что уже в XVII в. в России преобладающими были западные влияния. Он писал: «...высшие слои московского общества – царь и бояре – постепенно ассимилировали западный стиль жизни и развлечения, а постоянный приток западных специалистов, армейских офицеров, промышленников и техников существенно влиял на экономическое развитие России и модернизацию её армии»³⁰. Однако в целом труды Вернадского, его интерпретация исторического прошлого России основывались на евразийском видении русской истории.

Таким образом, Вернадский раскрыл богатый исследовательский потенциал концептуальных подходов евразийской исторической школы, тем самым он наметил путь дальнейших исследований, по которому следует двигаться историкам, желающим посвятить свои труды многообразной и ни с чем ни сравнимой истории России.

Примечания

¹Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып.1. Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 110.

²Цит. по: Новиков А.Н. История русской философии X–XX вв. СПб.: Лань, 1998. С. 289.

³Там же.

⁴Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 115–116.

⁵См.: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nayki/filosofiya/SAVITSKI_PETR_NIKOLAEVICH.html.

⁶Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 116–117.

⁷См.: uchebnik-besplatno.com/uchebnik-geopolitika/savitskiy-1895-1968.html.

⁸См.: rusgeopolit.com/?p=452.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 117.

¹⁴Цит. по: rusgeopolit.com/?p=452.

¹⁵Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 118.

¹⁶Там же. С. 119.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же.

¹⁹Цит. по: rusgeopolit.com/?p=436.

²⁰Там же.

²¹Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 121.

²²Там же. С. 120.

²³См.: rusgeopolit.com/?p=436.

²⁴Там же.

²⁵Там же.

²⁶Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 122.

²⁷http://modernlib.ru/books/vernadskiy_georgiy_vladimirovich/drevnyaya_rus.

²⁸Там же.

²⁹Могильницкий Б.Г. Указ соч. С. 123.

³⁰ Там же. С. 124–125.

